

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ БАЛТИИ¹ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ ИЗЛОЖЕНИИ

РЕНАЛЬД СИМОНЯН
ТАМАРА КОЧЕГАРОВА

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Резюме

В отношениях России со странами Балтии сложилось множество мифов, предрассудков, ложных стереотипов. Один из них – миф об оккупации. В статье рассматриваются источники его возникновения, анализируется процесс вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР. Сложившаяся в Европе к концу 1930-х политическая ситуация, на наш взгляд, исключала возможность сохранения независимости прибалтийских республик. В короткий срок фактически вся континентальная Западная Европа оказалась под властью гитлеровской Германии. На европейском континенте Гитлеру мог противостоять только СССР. К началу Второй мировой войны прибалтийские республики оказались в составе Советского Союза. Процедура вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в 1940 г. в состав Советского Союза рассматривается и интерпретируется в статье на основании международно-правового подхода. Четвёртая Гагская конвенция 1907 года, подписанная 44 государствами, определяет оккупацию как следствие войны или военного конфликта. Так же определяет термин «оккупация» и более поздний источник международного права – Женевская конвенция 1949 года. Между Советским Союзом и прибалтийскими республиками войны или военного конфликта в 1940 году не было. Следовательно, не было и оккупации.

Это не снимает ответственность со сталинского режима за репрессии, которые затем последовали в странах Балтии. После вхождения в состав Советского Союза значительная часть населения Латвии, Литвы и Эстонии пережила психологический шок. По существу, в массовом сознании населения стран Балтии произошло совмещение процедуры вхождения и его последствий.

Ключевые слова:

пакт Молотова-Риббентропа; канун Второй мировой войны; общественная психология.

В современных условиях неопределённости и генерируемых ею повышенных рисков особая роль в обеспечении стабильности миросистемы объективно принадлежит отношениям и – шире – политико-психологической атмосфере добрососедства. Последнее весьма актуально для России с ее громадным поясом сопредельных стран. Со многими из них ещё недавно она составляла общее государство – Советский Союз, территория которого в

сегодняшнем лексиконе часто определяется как «постсоветское пространство».

Какое зарубежье сегодня для России важнее – старое или новое? Если положить на одну чашу весов нерешённые проблемы со всеми «старыми» государствами, а на другую только, скажем, российско-украинские, то вторая, очевидно, окажется намного тяжелее. За период длительного со-развития во взаимных отношениях и моделях восприятия накопилась масса

¹ Ранее в материалах нашего журнала традиционно использовался термин «Прибалтийские государства». В настоящей статье приводится авторская терминология.

раздражителей, особенно на иррациональном уровне. Но на этом же пространстве сосредоточены наши непосредственные стратегические интересы и... миллионы соотечественников. Последнее, как ни странно, ставит Россию по многим направлениям в объективно привилегированное положение, так как ущемлённые в правах русские по-прежнему составляют значительную часть населения возникших в начале 1990-х годов новых государств.

В отношениях России с государствами старого зарубежья за многие века и десятилетия сложились устойчивые политико-дипломатические механизмы взаимодействия и понятные алгоритмы снятия противоречий, и система международного права редко дает сбой, что определяет значительную долю рутинного труда в дипломатической практике. На этом фоне отношения со странами нового зарубежья носят качественно иной характер. По сравнению с давно устоявшимся старым зарубежьем, новое, возникшее скоропостижно, рождает большое количество производных проблем, удаленных от сферы реального, прежде всего экономического, взаимодействия, и проистекающих из эмоций, обид и недоразумений, возникших в глубинах истории. Думается, что с учетом особой чувствительности повестки дня постсоветской региональной политики для современной России, в межгосударственных отношениях на этой территории важно опираться не столько эмоции, и даже хозяйственно-финансовые расчёты, сколько на нормы международного права.

1

Наиболее наглядно отмеченные проблемы проявляются в отношениях России со странами Балтии. В них сложилось особенно много исторически укорененных мифов, заблуждений и ложных представлений. Образующий ими идеологический комплекс оказывает огромное, как правило разрушительное, влияние на состояние современных межгосударственных отношений России с Латвией, Литвой и Эстонией, поэтому требует выверенного и

выдержанного анализа. Прежде всего, это относится к периоду кануна Второй мировой войны, когда происходили события, предшествующие вхождению данных стран в состав Советского Союза, и ещё более — к самой процедуре этого вхождения. Точкой отсчёта и узловым моментом в описании и анализе этих событий, несомненно, является «пакт Молотова-Риббентропа».

23 августа 1939 года, по итогам советско-германских переговоров, был заключён «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», ратифицированный Верховным Советом СССР 31 августа 1939 года. Именно под таким названием этот документ прошёл процедуру промульгации и ратификации высшими органами законодательной власти, таким он значится во всех без исключения сборниках документов, в том числе и в документах Нюрнбергского процесса, для которого этот договор стал одним из правовых оснований, так как руководителям нацистской Германии было предъявлено обвинение в его нарушении.

Существенно ли различие между словами «договор» и «пакт»? В своей работе «Философия имени» 1926 г. известный русский философ и филолог академик А.В.Лосев писал: «...мышление не существует без слов, без слов нет и социального поведения,... слово — источник действия» [Лосев 1999: 204]. Влияние языковых категорий на восприятие мира человечеством осознано вполне, поэтому строгость вербального обозначения жёстко регламентируется во всех обществах. Внедрению термина «пакт Молотова-Риббентропа» в повседневный обиход способствовал исторический фон конца 1980-х годов: отрицание коммунистического наследия было столь велико, что ярко выраженный негативный оттенок термина «пакт» ситуационно отражал эмоциональное состояние советского общества, особенно его либерально-демократической части. Да и сами руководители Советского Союза в то время были заняты иными заботами, им было не до юридических тонкостей в процессе «перестройки». Знаменитое тютчевское предостережение

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» вскоре драматически подтвердилось. Не исправленная вовремя ошибка породила предрассудки и эффект отрицания. В словосочетании «пакт Молотова-Риббентропа» проявился взрывной заряд по низвержению всего, что связывалось в массовом сознании рубежа 1980-х и 1990-х годов с тоталитарным государством. Ещё П.Бурдьё [Bourdieu 1970: 109] отмечал, что «само обозначение общественного явления служит эффективным механизмом управления массовым поведением». Советские руководители, безусловно, несут свою долю ответственности за формирование в обществе возникших тогда сенситивных социальных установок.

В современной российской публицистической и профессиональной литературе этот договор по-прежнему часто именуется пактом. И это при том, что в западной науке специалисты-международники соблюдают нормы корректности в обращении с международно-правовыми документами. Так, Г. Киссинджер в своей «Дипломатии», не скрывая отрицательного личного отношения к советско-германским договорённостям, ни разу не отходит от точного наименования этого документа — Договор [Киссинджер 1997: 286-332].

Превращению термина «пакт Молотова-Риббентропа» в публицистическое клише с выраженной негативной коннотацией, как очевидно, способствовал приложенный к договору секретный протокол. Сам по себе договор был вполне традиционным, пожалуй, даже классическим в ряду других договоров между двумя европейскими государствами. Семь его статей содержат типические в таких документах «взаимные обязательства воздерживаться от агрессивных действий и от нападения в отношении друг друга; в случае нападения на одну из сторон третьей стороны не оказывать поддержки нападавшей стороне; информировать друг друга о вопросах, затрагивающих общие интересы, не участвовать в группировках держав, направлен-

ных против одной из сторон; разрешать споры и конфликты между собой мирным путём». Аналогичными договорами Германия обменялась со многими государствами, в том числе с Польшей (1934), Англией (1938), Францией (1938), Румынией (1939), Латвией, Литвой и Эстонией (1939). Иными словами, проблема не в договоре, а в секретном протоколе к нему.

Конфиденциальные договорённости, устные или письменные, между государствами, тем более между ведущими мировыми державами — реальность внешней политики. Полагать, что подобные договорённости между ведущими мировыми державами о сферах влияния не достигаются в наши дни, наивно. Внешняя политика больших держав во все времена была предельно прагматичной, на грани цинизма. Достаточно обратиться к материалам *Wikileaks*, в части документов, отражающих подходы США к своим главным союзникам по НАТО — Германии, Великобритании, Франции. Чего уж тут говорить о малых и средних государствах.

Не всегда тайные соглашения становились достоянием общественности. Даже по истечении нескольких столетий. К примеру, до сих пор не преданы гласности секретные статьи Тильзитского мира, заключённого в мае 1807 г. между российским императором Александром I и французским императором Наполеоном Бонапартом.

В секретном протоколе советско-германского договора было записано, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими странами»². Но, каким образом и когда это переустройство будет осуществлено, в протоколе не сказано. Если бы Советский Союз увеличил свою сферу влияния без расширения территории (это было, кстати,

² АВПСССР. Ф.06. Оп. 1.П.8.Д.77.Л.1,2.

не только вполне достижимо, но и стратегически более целесообразно), то не было бы сейчас ни у кого оснований говорить о секретном протоколе как о каком-то преступлении. Так же, как и не является преступлением сценарий, по которому произошёл раздел Восточной Европы после Второй мировой войны. Ясно, что за 6 лет ничего принципиально нового в мировой политике не произошло. Между тем на Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. великие державы: СССР, США и Великобритания — на глазах у всего мира договорились, что Польша, Чехословакия, Югославия, Албания, Венгрия, Румыния и Болгария после окончания войны войдут в сферу влияния Советского Союза, а вот Финляндия (из-за жёсткой позиции У.Черчилля в этом вопросе И.Сталин был вынужден уступить), этой участи избежала. Если сравнивать данную договорённость с советско-германским секретным протоколом 1939 года, то Советский Союз получил в зону своего влияния несопоставимо большую территорию, фактически всю Восточную Европу. И для мировой общественности эти договорённости великих держав никаким секретом не были.

Не было никаким секретом для мировой общественности и договорённости 1939 г. между Германией и СССР о разделе сфер влияния. Существование «секретного протокола» для жителей Прибалтики были «секретом Полишинеля», а забывчивым постоянно напоминали об этом зарубежные радиоголоса. В массовом сознании населения Прибалтики все послевоенные годы обыденность этого горького эпизода не выходила за рамки общей обыденности других более горьких и менее горьких событий последних лет.

Зато значительно осложнило ситуацию то, что руководство СССР вместо признания очевидного, превратили данный вопрос в проблему. С течением времени эта проблема становилась всё более болезненной, так как советскими руководителями наличие секретного протокола упрямо отвергалось вплоть до самого последнего момента. Так, заведующий международ-

ным отделом ЦК КПСС В.Фалин в интервью 19 декабря 1989 г. категорически отрицал наличие секретного протокола в советско-германском договоре. И уже через пять дней, 24 декабря 1989 года, II Съезд народных депутатов СССР признал факт существования данного протокола и осудил его. Можно называть очередным недоразумением то, что мы сами создали и обострили болевую точку, придали ей гигантский масштаб.

Источником многих ошибок советского руководства было слабое знание происходящих в стране процессов. «Как М.Горбачёв, довольствовавшийся соответствующим образом препарированной информацией, так и высший партийный актив были теоретически слепы и оторваны от реальности» [Оников 1996: 84], — свидетельствует проработавший более 30 лет в аппарате ЦК КПСС Леон Оников. Но к ситуации вокруг секретного протокола добавилась сложившаяся в советские годы практика максимального сокрытия информации, отрицания очевидных событий (вроде расстрела польских офицерской элиты в Катынском лесу). Со временем советско-германский секретный протокол превратился в массовом сознании прибалтийских народов в какой-то чудовищный документ-монстр, хотя в действительности он был не чем иным, как обычным в то время циничным соглашением между крупными державами в обстановке углублявшегося международно-политического кризиса.

О нашем собственном вкладе в клубок российско-прибалтийских проблем теперь рассказывают сами высокопоставленные участники событий. «Весь трагизм ситуации состоял в том, что советское руководство как будто не видело реальность до I Съезда народных депутатов, где был поставлен вопрос о секретном протоколе, — свидетельствует бывший заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС А.С.Капто. — Политбюро проявило просто поразительную политическую несостоятельность. Получая с начала 1987 г. обоснованные просьбы от Войцеха Ярузельского прояснить проблему “секретного протокола” и

“дело Катюни” и будучи информировано о фактах постепенного обострения ситуации вокруг “секретного протокола” не только внутри страны, но и в мировом сообществе, политбюро не смогло решить эту проблему, а лишь “утопило” её в различных “поручениях”, “комиссиях”, “согласованиях”, “обменах мнениями”. Поражала потрясающая неадекватность замедленных, как на киноплёнке, и расплывчато-неопределённых действий партийного руководства» [Капто 2009: 67].

Доктрина политического реализма исходит из того, что основа всех международных действий государств коренится в их национальных интересах (прежде всего в стремлении обеспечить свое выживание, то есть суверенитет и безопасность), и определяет международные отношения как силовое взаимодействие государств, в котором преимущественно обладают наиболее мощные державы, одной из которых в конце 1930-х годов, безусловно, являлся Советский Союз. Существуют и концепции внешней политики государств, не обладающих таким преимуществом. Идея «примыкания слабых стран к более сильным» (bandwagoning) развивается многими теоретиками политической науки, в том числе К. Уолтцем в его известной работе «Теория международной политики». Суть её заключается в том, что «малые государства, не обладающие возможностями оказывать на мировую политику сколько-нибудь существенное влияние, стремятся присоединиться к союзу с более сильными государствами, которые в свою очередь предлагают им военно-политическую защиту. Малые страны избирают этот путь, осознавая, что издержки от такого союза (например, утрата части суверенитета) будут менее значительны, чем приобретения (безопасность, экономические выгоды)» [Waltz 1979: 126]. События межвоенного периода в Прибалтике подтверждают концепцию Уолтца.

В 1939 г. Эстония (28 сентября), Латвия (5 октября) и Литва (10 октября) заключили договоры о взаимопомощи с Советским Союзом, по условиям которых на террито-

рии этих стран были размещены военные базы и гарнизоны Красной Армии. При этом по договору с Литвой Советский Союз возвращал ей Виленский край, аннексированный Польшей в 1920 году, что удовлетворяло национальные чаяния литовцев, получивших свою историческую столицу — Вильнюс, и почти на треть увеличивало территорию Литвы. Подписание договоров с СССР логично рассматривать как естественное в сложившихся обстоятельствах стремление прибалтийских республик обеспечить свою безопасность в условиях резкого обострения международных отношений в Европе на фоне растущих реваншистских appetitов Германии. Подобное совершенно естественное стремление к государственному самосохранению было у всех стран Европы. Было оно и у Советского Союза, чего не любят признавать многие современные историки балтийских стран. Они, правда, констатируют, что в течение всего нескольких последующих за договорами о взаимопомощи месяцев Германия кардинально меняет политическую конфигурацию в Европе. Стремительность захвата Гитлером обширных территорий в Европе привела многих европейских политиков в состояние шока: 9 апреля 1940 г. германские войска перешли границу Дании, которая в этот же день капитулировала, за 5 дней германский вермахт завоевал Голландию, за 19 — Бельгию, за два месяца — Норвегию, 14 мая пал Париж.

Среди значительной части населения прибалтийских республик вновь появились опасения, что после победы на Западе Германия возобновит экспансию на Восток, что сделает эти страны театром военных действий: память о происходившем в 1914-1920-х годах была слишком свежа. Потери населения этого периода Латвия, Литва и Эстония смогла восполнить лишь спустя примерно 65 лет.

После того как фактически вся континентальная Западная Европа за короткий срок была оккупирована Германией, началось интенсивное сосредоточение германских войск в Польше (35 дивизий) и Восточной Пруссии (12 дивизий), то есть

непосредственно у границ Советского Союза. К этому следует добавить, что весной 1940 г. в Восточной Пруссии была объявлена дополнительная мобилизация. В этом смысле требование увеличить численность советских гарнизонов, расквартированных в Прибалтике, в соответствии с договорами о взаимопомощи, обращённое к Латвии, Литве и Эстонии, в этих условиях было закономерной реакцией Москвы в ситуации реальной угрозы войны. Уничтожение СССР как главная цель нацистской Германии неоднократно декларировалось руководителями Третьего рейха и было сформулировано Гитлером ещё в «Mein Kampf». Эта цель ни для кого не была тайной и уж тем более для советских людей и их руководителей.

11 августа 1939 года, то есть накануне подписания Договора о ненападении между СССР и Германией, Гитлер в беседе с последним комиссаром Лиги Наций в вольном городе Данциге Карлом Буркхардтом в очередной раз откровенно высказал суть своих замыслов: «Всё, что я собираюсь сделать, направлено против Советского Союза... Я вынужден заключить соглашение с Советским Союзом, после же нападения на Запад и его поражения, я поверну все свои военные силы против Советского Союза» [Burckhardt 1960: 348]. Как свидетельствуют данные архивов, советское руководство располагало этой и другой подобной информацией. Какое государство не приняло бы необходимых мер для обеспечения своей безопасности?

2

Предъявление новых требований по размещению дополнительных войск Красной Армии и их последующий ввод получили в государственной лексике прибалтийских республик название «оккупация», что привело к возникновению «оккупационной доктрины», политологической концепции, на основании которой сегодня во многом выстраиваются отношения с Россией. Данные обстоятельства заставляют подробно рассмотреть процесс вхождения прибалтийских республик в состав СССР.

Многие историки стран Балтии справедливо отмечают, что советские требования были жёсткими, отечественные — не менее справедливо полагают, что в той конкретной они были необходимы и безальтернативны. Но для правовой квалификации свершившегося данные расхождения в оценках значения не имеют. Важно другое: правительства Латвии, Литвы и Эстонии *согласились* с советскими требованиями.

Ввод дополнительных стрелковых дивизий и танковых бригад в Латвию, Литву и Эстонию с согласия правительств этих стран как вынужденную меру обеспечения безопасности СССР тогда расценивали и многие западные специалисты. Так, глава британского Форин Офис Э. Галифакс считал, что «концентрация советских войск в Прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера».

Правительства Латвии, Литвы и Эстонии могли возразить против требования СССР. Финляндия, например, подобные требования отвергла и не побоялась защищать свою независимость с оружием в руках. При этом страны Балтии вместе взятые располагали вооружёнными силами размеров, значительно превосходящих финские. Согласно данным латвийского историка-эмигранта Эдгара Андерсона, страны Балтии имели более 900 орудий, 102 танка, 410 самолётов. В случае всеобщей мобилизации (население Финляндии в 1940 г. составляло ровно половину населения трёх стран Балтии) они могли выставить 600 тыс. солдат. Кроме этого, в этих государствах существовали воензированные добровольные организации — в Латвии «Айзсардзе» (19 уездных, 1 железнодорожный и 1 авиационный полк, в Литве «Шаулю Саюнга» (20 полков), в Эстонии «Кайтселийт», состоящая из 16 дружин. В сумме это составляло свыше 150 тыс. человек.

К началу XX века сложилось современное международное право — система юридических норм, созданная государствами, призванная регулировать их отношения. На наш взгляд, очевидно, что при толковании той

или иной нормы или содержащихся в ней терминов и понятий необходимо опираться на те общепризнанные международные правовые акты, в которых данные термин или понятие были документально закреплены и действовали в тот период.

Существовали ли в 1940 г. документ международного права, определяющий понятие «оккупация»? Безусловно. IV Гагская конвенция от 18 октября 1907 года, подписанная 44 государствами, определяет оккупацию как последствие войны, то есть оккупации должны предшествовать военные действия между государствами. *Оккупируемой считается территория противника, занятая в ходе войны или военного конфликта.* Именно так оккупацию определяет статья 42 в разделе III «О военной власти на территории nepřиятельного государства». Другого международного документа, трактующего термин «оккупация», в 1940 г. не было. Так же бинарно определяет понятие «оккупация» и более поздний документ — Женевская конвенция «О защите населения во время войны» от 12 августа 1949 года.

Но в 1940 г. между СССР и Латвией, между СССР и Литвой, между СССР и Эстонией *не было ни вооружённого конфликта, ни военных действий. Следовательно, исходя из определения, зафиксированного Гагской конвенцией, не было и оккупации.* По нормам международного права термин «оккупация» не применим к вхождению республик Прибалтики в состав Советского Союза.

Латвию, Литву и Эстонию в 1940 г. не оккупировали, но при активном содействии местных левых политических сил и поддержке части населения присоединили к Советскому Союзу. Формально — даже не по инициативе Кремля, а по просьбе парламентов этих стран. Летом 1940 г. это вовсе не противоречило общественному мнению в этих странах, которые основывались на понимании реальной ситуации в Европе того времени. Выбирать приходилось из двух зол. Руководители Литвы, Латвии и Эстонии взвешивали возможности сохранения для своих стран государственности.

Ситуация, которая возникла в Европе в конце 1930-х годов, была крайне неблагоприятной для прибалтийских республик: их национальными интересами не были озабочены ни Германия, ни Франция, ни Великобритания, ни СССР. Зажатые в германо-советских тисках, они были обречены пасть жертвами амбиций двух самых могущественных в то время государств континента. При этом оба они желали ревизии итогов Первой мировой войны: Германия, потому что она оказалась проигравшей стороной, а Россия, потому что та вышла из победившей коалиции. Как у Германии, так и у СССР были свои счёты к «обидчикам»: у руководителей третьего рейха — к англичанам и, особенно, к французам, у советского руководства — к полякам. Оба военных гиганта жаждали нового передела и весь экономический, и политический потенциалы направляли на осуществление своих стратегических целей.

Если оперировать историческими аналогиями, то между Германией и Россией произошёл очередной — четвёртый — раздел Польши. Поэтому именно Польша является и самой большой, и самой трагической жертвой событий 1939/1940 годов в Европе. Но это выяснится позже, а летом 1940 г. включение прибалтийских республик в состав СССР представлялось им меньшим из двух зол: независимость нельзя было сохранить ни при каких условиях. Полемизируя со сторонниками оккупационной доктрины, директор Института истории Таллиннского университета профессор Магнус Ильмъярв заключает: «Потеря странами Балтии независимости была логическим следствием общеевропейского международного политического кризиса» [Ильмъярв 2005: 283].

Тактика советских руководителей заключалась в использовании всего арсенала средств воздействия, чтобы обеспечить свою безопасность, а тактика руководителей прибалтийских государств заключалась в том, чтобы стараться не обострять отношений с СССР, надеясь когда-нибудь в будущем избавиться от советской опеки

(это и произошло), что предопределило их согласие на ввод дополнительных частей Красной Армии на свою территорию. Возможно, в этом кроется ответ на естественный для логики сторонников «оккупационной доктрины» вопрос о том, «что помешало президентам стран Балтии впоследствии выступить с публичными протестами против ввода дополнительных войск Красной Армии?»

Свою версию ответа на этот вопрос предложил ещё в 1998 г. цитируемый выше М. Ильмъярв в интервью газете «Ээсти пээвалехт», обнародовав данные российских архивов о тайном сотрудничестве руководителей балтийских республик с Советским Союзом³. Эта публикация не вызвала опровержений. Наоборот, появилась серия статей других авторов, разоблачающих лидеров Латвии, Литвы и Эстонии как «агентов Кремля».

Германофобские настроения, характерные для населения Прибалтики, резко усилились после прихода нацистов к власти в Германии. На усиление антигерманского вектора указывают многие балтийские историки, в том числе литовские — А. Штрмас и П. Леонас. В отличие от Латвии и Эстонии, где немцы господствовали несколько веков, Литва находилась в сложных отношениях не с Германией, а с Польшей. Более того, с Германией была связана надежда заставить Польшу вернуть Литве Виленский край. В этом смысле Литва была наиболее «пронемецкой». Отсюда — особый интерес к свидетельствам литовских историков. Вот как характеризует А. Штрмас настроения в среде литовской интеллигенции в тот период: «Видя усиливающуюся нацистскую угрозу, “прогрессивные интеллектуалы” начали думать о возможном включении своей страны в интернационалистский Советский Союз, предпочитая это поглощению их Третьим рейхом» [Штрмас 1980: 98]. Это перекликается с оценкой министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса, который в своих мемуарах признаёт, что при

подписании договора с СССР латвийская делегация исходила из того, что «только так можно сохранить латышский народ, не допустить уничтожения его Германией» [Орлов 2006: 287].

В 1945 г. после окончания войны СССР вернулся к тем своим границам, в которых её начинал в 1941-м — с полного согласия Англии и США, что и было зафиксировано в документах Ялтинской конференции 1945 г. и Хельсинского соглашения 1975 года.

З

Авторитетные западные исследователи, в том числе весьма почитаемый в странах Балтии британский историк Доминик Ливен, не разделяют «оккупационную доктрину». Немецкие специалисты по международному праву М. Виганд и К. Тиле весьма точно определили содержание процесса включения государств Балтии в состав СССР: «оно было принудительным, но ненасильственным» [Thiele, Wigand 1999: 8]. В сфере права понятия «принуждение» и «насилие» чётко разграничены.

Для того чтобы термин «оккупация» приобрёл юридическую легитимность, следует нарушить незыблемый принцип правосудия: «закон не имеет обратной силы» — и задним числом пересмотреть положения Гагской конвенции 1907 года. Именно так, и только так «политическая ущербность» текста конвенции с точки зрения сторонников «оккупационной доктрины» может быть исправлена. Спустя почти 100 лет находятся те, кому это представляется вполне осуществимым. И вовсе не какому-то ангажированному политологу, каких сегодня немало как в странах Балтии, и ещё больше в России, для которых знание международно-правовым документом вовсе не является профессиональным требованием.

Обратимся к исследованиям профессионала, известного в Латвии юриста-международника, доктора права Кембриджского университета Инеты Зиеле. Признавая,

³ Eesti Päevaleht, 22.08.19986 l.3.

что термин «оккупация» подпадает под юрисдикцию международного права, закреплённого в документах IV Гаагской конвенции, она пишет в книге «Балтийский путь к свободе», вышедшей в 2006 году: «Разделение понятий “военные действия” и “угроза использования военной силы” свидетельствует об очень узком и неточном понимании международного права» [Балтийский... 2006: 69].

Её авторитетное признание фактически означает конец «оккупационной доктрины», так как «угроза действия» и само «действие» не могут быть тождественны. Этого не допускает не только международное право, но и общее законодательство любого государства.

Как специалист в области международного права, И.Зиемеле должна опираться на основополагающий документ. Призыв шире трактовать такое фундаментальное понятие международного права, как «военные действия», означает выход за пределы правового поля.

Признание И.Зиемеле рождает логичный вопрос: почему в период начавшейся в СССР в середине 1980-х годов перестройки и гласности советское руководство не организовало широкое научное обсуждение проблемы вхождения республик Прибалтики в состав Советского Союза. Ведь это был тогда очень актуальный вопрос. Может быть, в тот момент наиболее актуальный. Для этого, как неоднократно предлагали социологи, можно было привлечь общепризнанных высокопрофессиональных историков и специалистов по международному праву, не только советских, но и зарубежных, представить им необходимые документы. Результаты дискуссий столь высокого уровня, безусловно, оказали бы значительное воздействие на общественное мнение Прибалтики. Но этого не произошло. Руководители СССР не прислушивались к мнению специалистов, упустили время. «К сожалению, эти предложения были отвергнуты, — пишет чл.-корр. РАН Ж.Т.Тошенко, — прорабы перестройки слушали только самих себя» [Тошенко 2003: 17-18].

Впрочем заслуга Инеты Зиемеле в том, что она, по существу, завершила чрезмерно политизированную научную дискуссию, «была или не была оккупация?».

В отличие от точных наук, наукам об обществе и человеке, имеющим дело с не всеобщими законами, а закономерностями и даже единичными констатациями, свойственна многозначность и даже условность дефиниций. Это, прежде всего, относится к гуманитарным сферам знания: искусствоведению, литературоведению, филологии, культурологии, истории. Но и к социальным наукам — политологии и социологии — они применимы вполне. В них сосредоточен необъятный потенциал для множественного толкования понятий. У каждого государства (народа, правительства, эпохи) «своя» история. В отличие от истории как научной дисциплины, «национальная» история — это фасад государства. Следовательно, она априори не может не быть идеологизированной. В марте 1928 г. видный советский историк Михаил Покровский, занимавший в то время пост заместителя наркома просвещения РСФСР, сформулировал этот принцип так: «История — это политика, опрокинутая в прошлое», что перекликается с определением истории А.Тойнби: «сорование мифов».

Но среди общественных наук есть одна, строгость которой в использовании категориально-понятийного аппарата является императивом её существования — это правоведение. В этом качестве область права сближается с областью точных наук. Требование корректного использования научных понятий и категорий здесь такое же обязательное условие, как и в математике. В противном случае пропадает необходимость в существовании какой-либо юриспруденции. В сфере международного права, где ответственность науки носит планетарный характер, это требование становится ещё более категоричным.

Публикация И.Зиемеле привлекает внимание к складывающейся сегодня опасной тенденции, характерной не только для прибалтийских государств. Строгие

научные термины начинают вольно интерпретироваться, затем переходят в публицистический жаргон, в бытовой, общегражданский дискурс, а оттуда — в политический лексикон. Особенно это относится к дефинициям с отрицательной коннотацией. Их использование повышает экспрессивность высказывания и, следовательно, достигает желаемого эффекта — усиливает воздействие на аудиторию. Стремление к свободному толкованию юридических понятий особенно характерно для многих нынешних политиков на постсоветском пространстве. Так, бывший президент Украины (2005-2010) Виктор Ющенко назвал голод на Украине в 1932-1933 годов «геноцидом украинского народа». Когда специалисты ему объяснили, что термин международного права «геноцид» означает физическое истребление людей по расовому, национальному или конфессиональному признаку, а на Украине от голода умирали не только украинцы, но и русские, и белорусы, и представители других этнических групп, проживающих на её территории, то В. Ющенко стал употреблять более корректный термин — «голодомор».

«Оккупация» совсем недавно пришлось пережить и россиянам. Характеризуя глубину падения жизненного уровня населения и взрыв криминалитета в середине 1990-х гг. многие российские периодические издания в тот период называли власть «оккупационным режимом». Вошедшее в широкий обиход это словосочетание отражало меру общественного неприятия проводимым правительством Е.Гайдара реформ. Но эмоциональное состояние людей и научное знание — всё-таки различные сферы.

Для характеристики процесса вхождения стран Балтии в СССР наиболее точным является термин «инкорпорация». Этим термином пользуются и многие балтийские историки, в частности, авторитетный латвийский историк А.Зунда, который пишет, что «Балтийские государства были инкорпорированы в Советский Союз с молчаливого одобрения Британии» [Зунда 2005: 458].

Драматическая коллизия для Латвии, Литвы и Эстонии заключается не в *процедуре* вхождения, а в том, что случилось *после* вхождения, *после* инкорпорации. А случились сталинские репрессии, кровавые злодеяния, которые в массовом сознании прибалтов затмили собственно процедуру вхождения — на первый план вышли зверства тоталитарного режима. *Способ* вхождения был вытеснен *последствиями* этого вхождения. Прибалты соглашаются, что термин «оккупация» не подходит, но ведь потом произошли трагические для них события. Было плохо, очень плохо. Значит, оккупация!

Сегодня в странах Балтии, публикуются документальные свидетельства сталинских репрессий, массовыми тиражами издаются мемуары жертв депортаций, где подробно описываются их злоключения. Среди авторов не только латыши, литовцы и эстонцы, но и поляки, русские, украинцы, белорусы, евреи, караимы. Устраиваются памятные мероприятия в связи с этими событиями. «Музеи оккупации» из этого же ряда.

За годы правления И.Сталина репрессии коснулись полностью или частично более 60 народов и этнических групп. Их общая численность, по данным фонда А.Н.Яковлева, составила около 3,8 млн. человек. Количество высланных и арестованных в республиках Прибалтики во время первой депортации составила, по данным общества «Мемориал», от 250 до 300 тысяч человек, второй — около 100 тысяч человек. На сборы давали несколько часов, а затем взрослых и детей загружали в вагоны для перевозки скота и в течение иногда нескольких недель везли за тысячи километров от дома. В пути многие погибли от болезней, от голода. Уцелевшие свидетельствуют, что исполнители репрессий действовали с необычной жестокостью. Часто в переполненные вагоны заталкивались также беременные женщины и неизлечимо больные старики.

Поэтому, если рассматривать события 1940 г. в рамках правового пространства, то признавая неправомерность использо-

вания термина «оккупация», следует временно признать правомерность правовой ответственности за преступления сталинского режима – расстрелы, массовые депортации, отъём собственности, раскулачивания и т.д.

Жители балтийских государств в 1940 г. пережили тяжелую травму. «Мы внезапно очутились перенесёнными из цивилизованной Европы на много столетий назад, в ужасное царство Тамерлана»⁴, – свидетельствует об этом времени в своём письме к Н.Хрущёву латышский агроном Отто Эглайс. На этом фоне само понятие «оккупация» в сознании прибалтийских народов перешло из сферы когнитивного, рационального в сферу эмоционального, культового. Это понятие стало болезнью точкой общественной психики. «Оккупация» превратилась для балтийских этносов в символ, а символы не обсуждаются. Сегодня прикосновение к этой теме сродни прикосновению к святыне. Свои святыни есть у каждого народа.

* * *

Одним из любимых аргументов адептов «оккупационной доктрины» является присутствие советских воинских частей в момент проведения парламентских выборов в июле 1940 года. Действительно, во время парламентских выборов там находились части Красной Армии. Но они присутствовали на основе межправительственных соглашений. А вот во время парламентских выборов в 2005 году в Ираке находилась 300-тысячная армия США и их союзников. И при этом не на основе межправительственных соглашений, а в результате прямых военных действий, то есть оккупации в самом строгом и точном значении этой дефиниции. Но ведь мировое сообщество никогда не подвергало сомнению легитимность этих выборов.

Исторически произошло так, что прибалтийская «оккупация» оказалась в длинном ряду исторических мифов-концепций, которые если и не опираются на реальность, то, несомненно, её формируют.

Список литературы

- Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте/ Сост.Я.Шкапарс. Рига, Zeluta graudus, 2006, 512 с.
- Зунда А. Страны Балтии и Соединённое королевство в начале Второй мировой войны (1939–1941 гг.) / Международный кризис 1939–1941 гг. М., Права человека, 2005. С.440–461.
- Ильмьярв М. Балтийские страны в 1939–1940 годах: замыслы и возможности/ Международный кризис 1939–1941 гг., М., 2005. С.268–286 с.
- Капто А.С. Пакт Молотова–Риббентропа: мистификация или реальность. М., Либроком. 2009. 168 с.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М. Ладомир. 1997. 656 с.
- Лосев А.Ф. Философия имени. М., Наука.1999. 328 с.
- Оников Л.А. КПСС: анатомия распада: Взгляд изнутри аппарата ЦК. М. Республика, Республика, 1996. 224 с.
- Орлов А.С. Прибалтика: 1939–1940 гг./Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германского договора 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С.287–297.
- Тегеран – Ялта – Потсдам: Сборник документов/Сост.: Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. М., Международные отношения. 1970. 456 с.
- Ж.Т.Тощенко. Этнокрапия: история и современность (социологические очерки). М. Наука. 2003, 296 с.
- Штромас А. Прибалтийские государства//Проблемы национальных отношений в СССР. М., Мысль, 1980, С.176–194.
- Bourdieu P. *La Reproduction: Éléments pour une théorie du système d'enseignement*. Paris, 1970, 328 p.
- Burckhardt K. *Meine Danziger Mission 1937–1939*. München, 1960, s.348
- Thiele C., Wigand M. *The criterion of citizenship for minorities: The example of Estonia/European Center for Minority Issues*. Working, 1999. 288 p.
- Waltz K. *Theory of International Politics*. New York, 1979. 376 p.

⁴ Письмо агронома О.Эглайса Н.С.Хрущёву. 1962 г./ /РГАНИ., ф.5, оп.30, д.406, л.57–58.

PRIMACY OF INTERNATIONAL LAW IN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE BALTIC COUNTRIES

RENALD SIMONYAN
TAMARA KOCHEGAROVA

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 117218, Moscow

Abstract

Russia's relations with the Baltic States have led to the development of a set of myths, prejudices, and false stereotypes. One of these is the myth of occupation. The article examines the sources of this myth and analyzes the process of Latvia, Lithuania, and Estonia's admission into the USSR. In the late 1930s, there was a dramatic situation in Europe. This situation prevented the preservation of the Baltic States' independence. All of continental Western Europe came under the rule of Germany. On the European continent, Germany had only one strong contender, the Soviet Union. By the beginning of World War II, the Baltic republics were part of the Soviet Union. The article's content analyses of processes of Latvia, Lithuania, and Estonia's incorporation into the Soviet Union, which is based on a document of international law that 44 states signed, the Fourth Hague Convention. These documents define occupation as being the result of war or military conflict. Similarly, the 1949 Geneva Convention also defines the term "occupation". It must be noted, however, that a state of war or armed conflict did not occur between the Soviet Union and the Baltic States in 1940. Consequently, there was no occupation. It does not remove responsibility for the Stalinist government's repression, which began in the Baltic States after their entry into the USSR. The population of Latvia, Lithuania, and Estonia experienced a psychological shock during this time. In the mass consciousness of the population of the Baltic countries, a false stereotype was thus formed. The consequence of the Baltic States' incorporation into the USSR thus overshadowed their actual admission into the Union.

Keywords:

Molotov-Ribbentrop Pact; the eve of the Second World War; social psychology.

References

- The Baltic: Way to Freedom. Experience of nonviolent struggle of the Baltic States in a global context/ Comp. J.Schkapars. Riga, Zeluta graudus, 2006, 512 p.
- Zunda A. The Baltic States and the United Kingdom at the beginning of World War II (1939–1941). / International Crisis of 1939–1941. M., Human rights, 2005. P.440–461.
- Ilmyarv M. Baltic States in 1939–1940: Device and Means/ International Crisis of 1939–1941. M., Human rights, 2005. P.268–286.
- Kapto A. Molotov–Ribbentrop Pact: hoax or reality. M. Librocom.2009.168 p.
- Kissinger H. Diplomacy. M. Ladomir. 1997. 656 p.
- Losev A.F. Philosophy of denomination. M. The Science. 1999. 328 p.
- Onikov L.A. KPSS: Anatomy decay. Look inside the Central Committee apparatus. M., the Republic. 1996.224 p.
- Orlov A.S. The Baltics: in 1939–1940/ International Crisis of 1939–1941. M., Human rights, 2005. P.287–297 p.
- Tehran – Yalta – Potsdam: A Collection of Documents / Comp.: Sh.P. Sanakoev, B.L. Tsybulevsky. M., International Relations. 1970/ 456 p.
- Toschenko Zh.T. Ethnocracy: Past and Present (sociological essays). M. The Science. 2003. 296 p.
- Shtromas A. Baltic States / / Problems of ethnic relations in the USSR. M., Thought, 1980. P.176–194.
- Bourdieu P. *La Reproduction: Éléments pour une théorie du système d'enseignement*. Paris, 1970, 328 p.
- Burckhardt K. *Meine Danziger Mission 1937–1939*. München, 1960, s.348
- Thiele C., Wigand M. *The criterion of citizenship for minorities: The example of Estonia/European Center for Minority Issues*. Working, 1999. 288 p.
- Waltz K. *Theory of International Politics*. New York, 1979. 376 p.